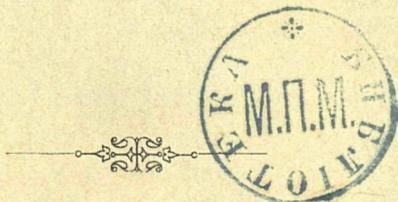

ИВАНЪ ДАШЛОВИЧЪ ХОХЛОВЪ.

(Русскій посланникъ въ Персію и въ Бухару въ XVII вѣкѣ).

Н. Веселовскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатеринин. кан., д. 80.

18 91.

Дипломатическія сношенія Московской Руси съ иностранными государствами были чрезвычайно оживленны, особенно—съ восточными, гдѣ наши интересы отличались большимъ разнообразіемъ и существенною важностію. Случалось, что эти сношенія производились даже безъ всякой настоятельной надобности, просто только ради вѣжливости, съ цѣлью спросить о здоровьѣ, на основаніи того соображенія, что недруги, видя этотъ знакъ дружбы и любви между ссылающимися черезъ пословъ государями, „будутъ устрашаться“. И посольское дѣло называется въ актахъ великимъ: „быть у великаго дѣла“¹⁾. Государственными соображеніями и продолжительною практикой въ посольскомъ обиходѣ были выработаны самыя строгіе правила и приемы, сильно отзывавшіе татарщиной, унаслѣдованной отъ тѣхъ временъ, когда мы поневолѣ принуждены были слѣдовать азіатскому этикету. Здѣсь каждый шагъ опредѣлялся очень строго, взвѣшивалось каждое слово; все было направлено къ тому, чтобы не порушить честь царскую и неразрывно связанную съ нею честь государства. Формальной сторонѣ дѣла придавалось такое значеніе, что за нею нерѣдко ступшеывалась сущность. Казалось, лучше отказаться отъ всего дѣла, чѣмъ согласиться на церемонію, не согласную съ нашимъ этикетомъ. Для исполненія посольскихъ порученій выбирались люди способные, надежные и болѣе или менѣе заслуженные, смотря по важности порученія и по степени могущества иностраннаго государства. Назна-

¹⁾ Когда дворяне большіе били челомъ Михаилу Федоровичу, чтобы ихъ въ послы, посланники и гонцы не посылать, то имъ сказано, что они бьютъ челомъ не дѣломъ: такая посылка не дѣлаетъ безчестія и тутъ мѣсть нѣтъ. (Собр. Голосуд. Грам. и Договоровъ, ч. III, № 55, стр. 222—223).

чались: великіе послы, послы, посланники, гонцы, гончики. Посольство состояло из трех или двухъ лицъ, которыя правили посольство вмѣстѣ, нераздѣльно; свита ихъ была многочисленна — иногда до сотни человекъ. Гонецъ ѣхалъ одинъ или съ подъячимъ, необходимымъ членомъ посольствъ для канцелярскихъ работъ; свита гонцовъ не отличалась многолюдствомъ, и размѣръ ея зависѣлъ отъ степени безопасности пути. Въ мелкія государства пословъ не отправляли, полагая, что довольно съ нихъ было и простыхъ посланниковъ изъ лицъ еще не выслужившихся и не слишкомъ знатнаго происхожденія. Но всѣ они — какъ послы, такъ посланники и гонцы, — одинаково отстаивали честь царскую и усердно, не щадя живота своего, служили „государеву и земскому дѣлу“. Всѣ они, за очень немногимъ лишь исключеніемъ, вызываютъ уваженіе и удивленіе къ своей непоколебимой твердости, выносливости, сознанию долга, которымъ не жертвуютъ ни для какихъ благъ земныхъ, терпѣливо перенося всякія притѣсненія и въ своей землѣ отъ воеводъ, всегда неисправныхъ въ снаряженіи посольства, и на чужбинѣ отъ мѣстныхъ властей, стремившихся обидѣть нашихъ пословъ ради своекорыстныхъ цѣлей.

Людей этихъ мы видимъ обыкновенно уже на посольствѣ и въ большинствѣ случаевъ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о прежней ихъ служебной дѣятельности, не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ, при какой обстановкѣ выработывались ихъ характеры, ихъ направленіе, тактъ и умѣнье вести переговоры о предметахъ самыхъ сложныхъ и щекотливыхъ. Если дѣло шло гладко, не случалось такихъ событій, которыя требовали бы разслѣдованія, послы сходили со сцены такъ-же незамѣтно, какъ и вступали на нее ¹⁾). Замѣчательно, что отчеты свои и статейные списки писали они въ третьемъ лицѣ.

При отсутствіи біографическихъ данныхъ о нашихъ послахъ, мы особенно должны дорожить тѣми о нихъ свѣдѣніями, которыя изрѣдка, отрывочно попадаются въ посольскихъ дѣлахъ. Такія свѣдѣнія намъ удалось собрать о казанцѣ Иванѣ Даниловичѣ Хохловѣ, дважды ѣздившемъ на востокъ съ дипломатическими порученіями. Свѣдѣнія

¹⁾ Рѣдкое исключеніе представляетъ Даудовъ, о которомъ напечатаны подробныя свѣдѣнія г. Селифонтовымъ въ „Лѣтописи занятій археографической комиссіи“, т. V (1871 г.): „Очеркъ служебной дѣятельности и домашней жизни Стольника и воеводы XVII столѣтія Василія Александровича Даудова“; а въ *Русскомъ Архивѣ* (1889 г., № 5, стр. 5 — 20) помѣщена автобіографія его. Но Даудовъ не русскій человекъ, это выходецъ изъ Персіи и родомъ армянинъ.

о немъ находятся въ документахъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ первый разъ имя Ивана Хохлова встрѣтили мы подъ 1600 годомъ въ дѣлахъ по сношенію съ Персіей. Въ октябрѣ этого года возвращался черезъ Казань на родину посольскій шаха Аббаса, Перкулы-бекъ. Казанскіе воеводы устроили послу встрѣчу, какъ требовалось обычаемъ, и доносили о томъ государю. „А въ приставехъ, государь, у посла — писали они — велѣли быти у корму и для береженья дѣтемъ боярскимъ, Василию Нарматцкому да Ивану Хохлову, да съ нимъ двѣмъ человекомъ дѣтемъ боярскимъ съ меньшихъ статей, да толмачю, да десети человекомъ стрѣльцомъ у двора“¹⁾. Такимъ образомъ, Ивану Хохлову поручается въ это время довольно отвѣтственная уже должность посольскаго пристава, хотя и второстепеннаго. Кромѣ того видимъ, что самъ онъ числился не въ меньшихъ статьяхъ, а, по всей вѣроятности, въ среднихъ.

Далѣе видимъ, что боярскія дѣти Василій и Иванъ Хохловы²⁾ числятся на государевой службѣ стрѣлецкими головами въ Казани, по мѣсту своей родины. И въ скоромъ же времени начинается богатая приключеніями и разнаго рода невзгодами дѣятельность Ивана Даниловича Хохлова, тогда еще не пожалованнаго вичемъ, а именованнаго просто Даниловымъ.

Въ 1605-мъ году, при царѣ Борисѣ, какъ видно изъ челобитной самого Ивана Хохлова, посланъ онъ былъ изъ Казани на годовыя службы на Терекъ съ воеводою Иваномъ Головинымъ. „И въ прошломъ въ 114 (1606)-мъ году — пишетъ онъ — на Терекъ и въ Астарахани своровали: царю Василью креста не цѣловали. И въ томъ же де году присланъ изъ Казани на Терекъ Василій Хохловъ съ стрѣлецкимъ приказомъ, — а царю Василью крестъ цѣловали, и сотниковъ и стрѣльцовъ своего приказу ко кресту привелъ въ Астарахани. И на Терекъ

¹⁾ См. Дѣло 1600 г. „Росписъ подаркамъ, посланнымъ персидскому шаху съ посломъ княземъ Александромъ Засѣкинымъ съ товарищи“, л. 33.

²⁾ Въ Москов. гл. архивѣ мин. ин. д. находится документъ 1622 г. подъ заглавіемъ: „Память изъ Казанскаго въ Посольскій приказъ въ отвѣтъ на присланную изъ онаго память, что казанцу Андрею Хохлову производится денежнаго жалованья 54 рубли“. Въ документѣ этотъ Хохловъ названъ по отчеству Даниловымъ, стало быть, является третьимъ братомъ въ этой семьѣ и, повидимому, старшимъ, если судить по окладу и по видному положенію: въ концѣ 20-хъ годовъ XVII ст. онъ былъ воеводою въ Кокшанскомъ городѣ. Разрядныя книги, т. II, стр. 91 и 197

пріѣхавъ, терскимъ людямъ розговаривалъ, чтобъ они царю Василью крестъ цѣловали. И терскіе люди отъ воровства не отстали, царю Василью креста не цѣловали. И ево за то и брата ево Василья, бивъ на смерть и ограбя до нага, посадили въ тюрьму. И мучили животъ свой полтора года, и розвели розно: отослали ево, Ивана, въ Астрахань съ приставомъ. И въ Астрахани за приставомъ животъ свой мучилъ же, и хотѣли убить до смерти. И какъ де Маринка и воръ Ивашко Заруцкой пришли въ Астрахань, и ево де послали въ Кызылбаши къ шаху неволею“.

Трудно, конечно, допустить, что Заруцкій могъ послать къ шаху Аббасу хлопотать о помощи, деньгами и людьми, челоуѣка противъ его воли, насильно: такой посланецъ только бы испортилъ дѣло. Думаемъ, что Хохловъ охотно согласился ѣхать самъ, потому, во-первыхъ, что царь еще не былъ избранъ на Москвѣ (объ этомъ Хохловъ узналъ только дорогою) и „шатаніе“, какимъ характеризуется смутное время, еще не улеглось; потому, во-вторыхъ, что ѣхать въ Персію съ порученіемъ, хотя бы и не сочувствуя ему, все же лучше, чѣмъ сидѣть въ тюрьмѣ и ожидать, что будетъ въ концѣ концовъ съ Астраханью; а Хохловъ посидѣлъ въ тюрьмѣ уже довольно. Съ своей точки зрѣнія Хохловъ все-таки былъ нѣсколько правъ: онъ не состоялъ въ числѣ приближенныхъ Заруцкаго, и „тайныя рѣчи“ были поручены не ему, а его помощнику Якову Глядкоу.

О посольствѣ Хохлова въ Персію сдѣлалось вскорѣ же извѣстнымъ нашему правительству, и оно возбудило у насъ большое безпокойство. По донесенію окраинныхъ воеводъ, преимущественно изъ Терки, Марина и Заруцкій просили у шаха помощи деньгами и войскомъ будто бы противъ литовскихъ людей, предлагали за то шаху сдать Астрахань. По слухамъ, шахъ готовъ былъ оказать просимую помощь Заруцкому, потому что питалъ къ Россіи большое расположеніе и желалъ водворенія въ ней порядка, хотя и не могъ знать, гдѣ находится залогъ этого порядка. Относительно же Марины у шаха были особенные виды: онъ думалъ пригласить ее къ себѣ. Не доставало еще, чтобы романическія приключенія Марины завершились въ шахскомъ гаремѣ! О намѣреніяхъ шаха видно изъ показанія персидскаго торговца гилянца Хозя Муртазы, жившаго въ смутное время въ Астрахани и игравшаго видную роль въ дѣлѣ Хохлова, съ которымъ онъ выѣхалъ изъ Астрахани въ Персію и могъ дать самыя точныя указанія о поведеніи Хохлова въ Персіи.

Терскій воевода Петръ Головинъ писалъ воеводамъ въ Астрахань

большія донесенія о посольствѣ Хохлова на основаніи тѣхъ показаній, которыя впервые далъ терскій годовальщикъ Семень Шуперинъ посланный Головинымъ въ Дербентъ къ Магаметъ Усейну: „видѣлъ де онъ Семень въ Дербени Якушка Глядкова, а посланъ тотъ Якушко съ Иваномъ Хохловымъ изъ Астарахани къ шахъ Аббасу отъ Маринки да отъ Ивашка Заруцкова. И онъ де Якушка спрашивалъ: для чего онъ былъ къ шахъ Аббасу посланъ? И Якушко де Глядковъ сказалъ ему: посланы были они къ шахъ Аббасу просити помочи, чтобъ шахъ Аббасъ вступился, далъ въ Астороханъ Маринкѣ и Ивашку Заруцкому денежные казны и хлѣбныхъ запасовъ. И шахъ Аббасъ деи былъ далъ денежные казны двѣнадцать тысячъ тюменей, а тюмень по шти рублевъ, и хлѣбные запасы многіе, и приказалъ деи былъ съ тою казною ѣхати въ Астороханъ послу своему Пулунъ беку кречетнику. И какъ деи пріѣхалъ къ шахъ Аббасу изъ Астарахани купчина Хозя Муртаза и сказалъ шахъ Аббасу, что Ивашко Заруцкой и Маринка, заворовавъ въ твоихъ государевыхъ городѣхъ многія статьи, въ Астороханъ прибѣжали бѣгомъ и въ Асторохани воровствомъ убили окольничево князя Ивана Хворостинина, а Московское де государство все соединачилось,—и шахъ Аббасъ деи, услыша то отъ купчины, отъ Хози Муртазы, казны не далъ, а въ Астороханъ посылаетъ провѣдать посла своего Пулунъ бека“.

Про Марину же Хозя Муртаза, вновь прибывшій въ Россію, сообщилъ Головину слѣдующее: „Аббасъ шахъ де ево, Муртазу, распрашивалъ про литовку Маринку: какова-де она лицомъ и сколько хороша, молода ли или стара, и былъ ли де онъ у неѣ у руки, и горячи ли деи у нее руки, и что де ему дала на отпускъ? И Муртоза де Аббасъ шаху сказывалъ, что у руки де онъ у неѣ на отпускъ былъ и за руку принялъ, и рука де у неѣ горяча. И какъ деи ево Муртазу литовка Маринка изъ Астарахани отпустила, и ему дала на отпускъ двѣ скляницы вина. И Аббасъ шахъ деи то вино велѣлъ ему принести передъ себя. И то деи вино Аббасъ шахъ пилъ самъ, а пьючи де говорилъ: топере де пью вино, а впередъ видать ли деи мнѣ еѣ самое у себя?... А литовку Маринку шахъ Аббасу держати было ему у себя на постелѣ“ ¹⁾.

¹⁾ Дѣла: а) $\frac{7122}{1614}$ — $\frac{7124}{1616}$. Пріѣздъ въ Москву и обратный отпускъ персидскаго гонца Хози Муртазы, присланнаго къ царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ шаха Аббаса I съ поздравительною грамотою о возшествіи его на престолъ. б) 1614—1615. Отправленіе къ шаху въ гонцахъ казанца сына боярскаго Ивана Брехова и толмача Степана Аеонасыева.

Михаилъ Ѳеодоровичъ по вступленіи на престолъ сейчасъ же отправилъ въ Персію посломъ „для государева и земскаго дѣла“ дворянина Михаила Никитича Тиханова и подъячаго Алексѣя Бухарова, которымъ предписывалось объяснить шаху Аббасу дѣйствительное положеніе дѣлъ на Руси и требовать выдачи астраханскихъ пословъ, Ивана Хохлова съ товарищи ¹⁾.

Когда Тихановъ находился въ пути, а шелъ онъ очень кружною дорогою, черезъ Хиву, такъ какъ Астрахань въ то время находилась еще въ рукахъ Зарутцаго, къ нему отправленъ былъ, черезъ Кавказъ, съ дополнительными инструкціями и съ извѣщеніемъ объ освобожденіи Астрахани сынъ боярской Иванъ Бреховъ и толмачъ Степанъ Аѳонасьевъ, съ которыми повторены требованія о Хохловѣ въ такихъ выраженіяхъ: „да послалъ къ вамъ, брату нашему, изъ Асторохани воръ Ивашко Зарутцкой отъ себя и отъ Маринки гонца, сына боярскаго Ивана Хохлова, а съ нимъ писалъ къ вамъ, брату нашему, многіе воровскіе смутные статьи, хотя тебя, брата нашего, съ нами великимъ государемъ и съ нашими великими государствы ссорити и межъ нами великими государями братственную дружбу и любовь нарушить. И вы бѣ, братъ нашъ, Аббасъ-шахово величество, тому воровскому ложному письму ни въ чемъ не вѣрилъ. И того бы еси гонца Ивана Хохлова, которой къ тебѣ присланъ отъ Ивашка и отъ Маринки, прислалъ къ намъ, великому государю, съ нашими посланники и съ своими послы вмѣстѣ“.

Между тѣмъ шахъ Аббасъ принялъ Ивана Хохлова очень радушно. Самъ Иванъ Хохловъ сообщаетъ, что, узнавъ о воцареніи Михаила Ѳеодоровича, сообщалъ о томъ шаху черезъ Муртазу и просилъ отпустить его къ Москвѣ. Вслѣдствіе этого будто бы шахъ оставилъ Хохлова въ Генджѣ, а Якова Глядкова взялъ съ собою въ походъ, какъ пошелъ воевать Грузинскую землю. Послѣ этого похода Хохловъ долженъ былъ присоединиться къ шаху. Не перемѣнилъ къ нему шахъ своего расположенія и послѣ прибытія пословъ изъ Москвы отъ царя. Шахъ не только не отвернулся отъ Хохлова, напротивъ, приглашалъ его на аудіенціи и празднества вмѣстѣ съ законными русскими послами, и Хохловъ всегда являлся вмѣстѣ съ ними. Странно, что Тихановъ не возражалъ противъ такого нарушенія эти-

¹⁾ Дѣло: 1613—1615. Отправленіе къ шаху въ посланникахъ дворянина Михайла Тиханова и подъячаго Алексѣя Бухарова съ объявительною грамотою о вступленіи царя Михаила Федоровича на всероссійскій престолъ.

кета. Въ наказѣ посламъ предписывалось очень строго не править посольства въ присутствіи другихъ иностранныхъ пословъ; объ этомъ было наказано и Тиханову, и онъ буквально исполнялъ эту статью наказа, не распространяя ее на Хохлова, котораго велѣно было только уличать „въ воровствѣ“. Но въ Москвѣ и подумать не могли, что Тихановъ рѣшится быть у шаха въ присутствіи посла отъ „вора“, какъ офиціально называли у насъ Заруцкаго, а потому вполне естественно, что о такомъ предостереженіи и не упомянули. Протестоваль одинъ только Бреховъ, который, впрочемъ, по своему второстепенному и подчиненному положенію не могъ дѣйствовать слишкомъ рѣшительно. На одномъ приѣмѣ у шаха, мѣсяць спустя послѣ аудіенціи, данной царскимъ посламъ, Хохловъ, приглашенный также „ѣсти“, сѣлъ выше Ивана Брехова. „А шаха въ тѣ поры въ полатѣ не было“—доноситъ Бреховъ. „И послѣ того немного спустя, приѣхалъ шахъ и вшелъ въ полату; и онъ Иванъ, вставъ, Ивана Хохлова обшелъ и сѣлъ его выше, а говорилъ ему, что онъ дѣлаеть не гораздо, садится его выше, а вѣдаетъ самъ, что они присланы отъ великаго государя царя и великаго князя Михайла Федоровича всеа Русіи самодержца, а онъ Иванъ присланъ изъ Астарахани, и ему было выше садиться не пригоже. И Иванъ де Хохловъ противъ того не молялъ ему ничего“. Въ другой разъ Хохловъ самъ уже сѣлъ ниже Брехова.

Шахъ Аббасъ явился заступникомъ за Хохлова передъ царемъ. На требованіе о выдачѣ его шахъ говорилъ Тиханову: „язъ де Ивана Хохлова съ товарищи съ вами и съ своимъ посланникомъ къ брату своему къ Михаилу Федоровичю отпущу, а брату моему Михаилу Федоровичю скажите, чтобъ Ивана Хохлова съ товарищи для меня и нашіе братственной любви пожаловалъ, вины ихъ имъ отдалъ и велѣлъ бы имъ у себя быти по прежнему; да о томъ де язь къ брату своему въ грамотѣ своей написати велю, чтобъ Ивана Хохлова съ товарищи пожаловалъ для меня. А се де нынѣ брату моему люди надобе, потому что въ Московскомъ государствѣ многіе люди побиты: война де была двѣнадцать лѣтъ, и чаю де нынѣ у брата моего ратныхъ людей немного“. Это заступничество наши дипломаты предвидѣли, и въ наказѣ Тиханову предписывалось обѣщать помилованіе, а потому онъ и отвѣчалъ почти буквально по данной инструкціи: „Иванъ Хохловъ съ товарищи были въ Астарахани у вора въ неволѣ жъ, а хотя бъ они у вора у Ивашка Заруцкаго и у Маринки были и своєю волею, и вины будетъ они которые передъ нашимъ

великимъ государемъ и передъ нашими государствы и довелися, и государь нашъ милостивъ и благодравенъ и праведенъ, по своему царскому благодравію и милостивому обычаю, во всемъ вины ихъ отдасть и для тебя, брата своего, Аббасъ-шахова величества, не токмо казнити ихъ велитъ, и опалы своей царскіе на нихъ положить не велитъ, и впередъ вины ихъ ни въ чемъ вспомяновенны не будутъ. А то, великій государь Аббасъ-шахово величество, наше Московское государство было въ смутѣ двѣнадцать лѣтъ, и многіе люди побиты, а иные въ то мѣсто родились. И безъ войны на которое государство Богъ гнѣвъ свой пошлетъ, паденіе на люди бываетъ, а иные въ то мѣсто родятся, и государство людьми полнится; такъ и нынѣ государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи самодержца и бодроопаснымъ правительствомъ и премудрымъ разумомъ ратныхъ людей много“.

На отпускнуой аудіенціи шахъ еще разъ повторилъ Тиханову просьбу за Хохлова: „да что де язъ и напередъ сево наказываль, скажи брату моему Михаилу Ѳедоровичю, чтобъ для меня Ивана Хохлова съ товарищи пожаловаль по прежнему, вины ихъ имъ отдадь для нашей братственной любви; а которые де мои будутъ винные люди, а объ нихъ что прикажетъ братъ мой Михайло Ѳедоровичъ, и язъ также для брата своего ихъ пожалую“.

На отпускъ шахъ пожаловаль Ивана Хохлова наравнѣ съ Тихановымъ и Бреховымъ двумя кафтанамы—камъа на серебрѣ. А изъ денегъ 156 рублей, выданныхъ шахомъ русскимъ посламъ, на долю Ивана Хохлова пришлось 5 тюменей, то-есть, 30 рублей.

Вмѣстѣ съ Тихановымъ Хохловъ и поѣхаль въ Россію въ 1615 году. Въ Теркѣ Петръ Головинъ привель Хохлова къ крестному цѣлованію, о чемъ и донесъ государю въ іюнѣ того же года.

Когда Тихановъ съ Бухаровымъ и Бреховъ представили, по возвращеніи въ Москву, свои статейные списки (отчеты о своей дѣятельности), первымъ двумъ сдѣланъ черезъ думнаго дьяка Петра Третьякова выговоръ въ присутствіи государя за нарушеніе наказа. Между прочимъ, они были обвинены въ томъ, что Ивана Хохлова и подъячаго Богдашка, которые присланы отъ вора, съ собою, государевыми посланниками, сверстали и въ воровствѣ ихъ не обличали и не требовали, чтобы шахъ выслаль ихъ вонъ. Обвиняемые оправдывались тѣмъ, что Иванъ Хохловъ „съ ними видѣлся до ихъ посьдства и ко государю вину свою принесъ, и то имъ сказаль, что государю крестъ цѣловаль, и имъ ни въ чемъ не прекословиль, и

они потому объ немъ и не говорили и не обличали его“. Такой отвѣтъ не былъ признанъ удовлетворительнымъ, и Тихонову и Бухарову сказано дьякомъ: „не обличали они за посмѣхъ, только-бъ они обличали ихъ (то-есть, Хохлова съ товарищи) при шахѣ, а они-бъ при шахѣ винулись и государево имя выславили, и шаху-бъ было вѣрнѣ“. На это бывшіе послы только и могли сказать: „ужъ то не обличали“. Этимъ для нихъ дѣло и закончилось безъ дальнѣйшихъ неприятныхъ послѣдствій. Тихоновъ и Бухаровъ отдѣлались легко. Не то было съ Хохловымъ.

Не смотря на „милостивое слово“ и на официальное завѣреніе о помилованіи, оно не осуществилось, что отчасти было въ духѣ того времени, какъ остатокъ старыхъ приемовъ. Когда Хохловъ прибылъ во Владиміръ, „и по государеву де указу присланы въ Володимерь изъ посольскаго приказу Карманалѣй Кутлеяровъ да Семень Андрѣевъ; а велѣно де имъ ево, Ивана, везти къ Москвѣ за приставомъ, и рухлядь ево, что есть, велѣно отписать на государя“. Это произошло въ іюнѣ того года. Посланнымъ за Хохловымъ съ товарищи предписывалось везти ихъ къ Москвѣ „съ великимъ береженьемъ, чтобъ они отъ нихъ зъ дороги не ушли“. „И іюня въ „ „ день переводчики Курманалѣй да Семейко Ивана Хохлова съ товарищи къ Москвѣ привезли и Иванъ Хохловъ съ товарищи розданы по приставомъ и сидятъ по ся мѣста у приставовъ“.

Находиться за приставомъ въ XVII столѣтіи или, какъ тогда говорились, — „мучить свой животъ“, было гораздо серьезнѣе, чѣмъ въ наше время попасть подъ надзоръ полиціи.

Въ Москвѣ Хохловъ подалъ государю челобитную о помилованіи (о которой мы упомянули раньше), при чемъ изложилъ обстоятельства своей поѣздки въ Персію, а въ заключеніе говорилъ, что „въ Кизылбаши („страна красноголовыхъ“ — такъ называлась у насъ въ то время Персія по краснымъ верхушкамъ барашковыхъ шапокъ, носимыхъ господствовавшимъ въ ней племенемъ) онъ къ шаху посланъ неволею и въ Кизылбашѣхъ въ неволѣ всякую нужу терпѣлъ и государеву имяни порухи ни въ чемъ не учинилъ“.

По поводу этой челобитной возникло дѣло и былъ произведенъ сыскъ о посольствѣ Хохлова. Главныя обстоятельства выяснилъ Хозя Муртаза, прибывшій въ Москву гонцомъ отъ шаха Аббаса немного раньше Тихонова. Показаніе Муртазы, отличавшееся большими подробностями, было вполнѣ благопріятно для Ивана Хохлова. Вслѣдствіе этого показанія, а главное — ради заслугъ другаго Хохлова,

Василья, много потрудившагося въ дѣлѣ освобожденія Астрахани отъ Заруцбаго, Иванъ Хохловъ былъ изъ-за пристава освобожденъ и отданъ на поруки съ записью, „что ему ставится въ Посольскомъ приказѣ передъ думнымъ дякомъ Петромъ Третьяковымъ до государева указу“. Объ этомъ въ дѣлѣ записано такъ: „И іюля въ 12 ден думной діакъ Петръ Третьяковъ сю выписку Ивана Хохлова (то-есть, сыскъ о немъ) вверхъ носилъ и государя докладывалъ. И государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, слушавъ сее выписки, Ивана Хохлова пожаловалъ, для своего царскаго ангелакхранителя, велѣлъ его отъ пристава свободити за брата его за Васильеву службу Хохлова. А въ отѣздѣ и во всякомъ воровствѣ приказалъ государь взяти по немъ поручную записъ“.

И снова Иванъ Хохловъ подаетъ челобитную государю, проситъ отдать ему поручную записъ: „И поруччики, государь, мои, которые меня ручали, о поручной записѣ мнѣ говорятъ“. И заканчиваетъ: „Милосердый государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи! пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, порушную мою записъ мнѣ отдать. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!“! На оборотѣ челобитной помѣчена резолюція: Записъ отдать.

Такимъ образомъ, Иванъ Хохловъ получилъ полное помилованіе и могъ вернуться въ Казань. О службѣ его тамъ мы не нашли никакихъ указаній. Въ 1620 году на него возложено важное дипломатическое порученіе: править посольство въ Бухарѣ. Въ это время его величаютъ уже Даниловичемъ.

Поводомъ къ отправленію Ивана Хохлова въ Бухару послужило слѣдующее обстоятельство, изложенное въ дѣлахъ, на этотъ разъ уже не въ персидскихъ, а въ бухарскихъ ¹⁾: „Въ прошломъ во 128 (1620) году присылалъ ко государю царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи бухарской Имамъ Кулій царь посла своего Адамъ бая, а въ грамотѣ своей ко государю писалъ, чтобъ великому государю царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи. памятуя предковъ своихъ великихъ государей царей російскихъ съ прежними бухарскими цари дружбу и любовь и ссылку, нынѣ съ нимъ по тому-жъ быти въ дружбе и въ ссылке и въ любви, и торговымъ бы людямъ на обѣ стороны торги были повольные. Да онъ

¹⁾ 1620—1623. Отправленіе къ Бухарскому царю Имамъ Кулѣ посланника Ивана Хохлова и отпускъ съ нимъ бывшихъ въ Москвѣ пословъ: бухарскаго Эдема и юргенскаго Регымъ Кулы.

же великому государю объявилъ, что крымскіе и нагайскіе люди многой русской полонъ поимали и привели въ ихъ государство въ Бухары, и только великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи съ посломъ его пришлетъ къ нему своего посла или посланника вѣрнаго челоуѣка, и онъ тотъ рускій полонъ отпуститъ ко государю къ Москвѣ. Да бухарской же Имамъ Кулій царь просилъ у государя, чтобъ государь прислалъ къ нему добрыхъ кречатовъ; а что у него въ его государствѣ доброе и ему государю годится, и онъ ему великому государю за то не стоитъ“. Въ то же время прибылъ и хивинскій посоль. „И государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи указалъ послати къ бухарскому къ Имамъ Кулію царю изъ казанцовъ дворянина добра, кто напередъ тово бывалъ въ Нагаехъ и въ иныхъ земляхъ для посольсково дѣла. И выбранъ на государеву службу въ Бухары изъ казанцовъ Иванъ Хохловъ“.

Казанскимъ воеводамъ послѣдовалъ указъ: „И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а бухарской и колмацкіе ¹⁾ послы и переводчикъ и толмачи и кречатники въ Казань приѣдутъ, и вы бѣ на завтрае того дни велѣли быти къ себѣ въ сѣзжую избу бухарскому послу, а Ивану бѣ естя Хохлову велѣли быти въ тѣ поры у себя-жъ въ сѣзжей избѣ. Да какъ къ вамъ послы придутъ въ избу, и вы бѣ ему Ивана Хохлова объявили, что посылаемъ мы, великій государь, съ нимъ вмѣстѣ къ бухарскому Имамъ Кулѣ царю для нашихъ государскихъ дѣлъ въ посланникѣхъ дворянина нашего Ивана Хохлова съ ними вмѣстѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7128 (1620)-го іюня въ 18 день“. Обыкновенно русскаго посланника объявляли иноземному посланнику, съ которымъ отправлялось русское посольство, въ присутствіи государя въ Москвѣ; но такъ какъ Хохловъ въ Москву не вызывался и получалъ назначеніе посланника въ Казани, то церемонію объявленія и пришлось произвести въ этомъ послѣднемъ городѣ.

Лучшаго выбора, конечно, и быть не могло. Не знаеиъ, ѣздилъ ли Хохловъ къ Нагайцамъ, но его долговременное пребываніе въ Персіи у посольскаго же дѣла дало ему большую опытность въ сношеніяхъ съ азіатцами, и опытность эта сказалась въ дѣйствительности въ его столкновеніяхъ съ населеніемъ Средней Азіи ²⁾.

¹⁾ Калмыцкій посоль Анучай съ товарищи изъ Казани былъ отпущенъ въ особомъ суднѣ рѣкою Камою на Соль Камскую, Верхотурье, въ Тобольскъ и въ Томской городъ.

²⁾ Съ большою, впрочемъ, достовѣрностію можемъ предполагать, что Иванъ

Продолжаемъ выписку изъ дѣлъ: „А государева грамота и наказъ посланъ къ нему (Хохлову) съ Москвы въ Казань, а указано ему для тоѣ службы дати государева жалованья на два года, на 128-й да на 129-й годъ по окладу его сполна, да противъ тово подмоги вдвое, да въ приказъ 20 рублевъ. И по памяти исъ казанскаго дворца за приписью дьяка... дано Ивану государева жалованья для бухарскіе службы во 128-мъ году на 129-й годъ окладъ ево 21 рубль, да подмоги 42 рубли, да въ приказъ 20 рублевъ, да за 20 полоть мяса 8 рублевъ, да запасовъ: 3 чети крупъ, 3 четверти толокна, 20 ведръ вина, 14 пудъ патоки, да за 20 четей сухарей 10 чети муки ржаные“. Изъ этого списка видно, что жалованья Хохловъ тогда получалъ 21 рубль, а помѣстнаго оклада 600 чети.

Указъ Хохлову помѣченъ 23-го іюня: „Отъ царя и великаго князя Михайла Федоровича всеа Русіи Ивану Даниловичю Хохлову. Указали есмя тебѣ ѣхать отъ насъ къ бухарскому Имамъ Кулѣ царю въ посланникѣхъ съ нашею грамотою, а напередъ сего къ тебѣ о томъ писано, а велѣно тебѣ наша служба сказать и бухарскому послу тебя объявить боярину нашему и воеводамъ князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарищи. Да съ тобою же велѣно ѣхать въ Бухары татарскому переводчику Ивану Тыркову да толмачу Семейкѣ Герасимову. А итти вамъ въ Бухары вмѣстѣ съ бухарскимъ посломъ Эдемомъ. И нынѣ по нашему указу бухарской посоль Эдемъ съ братомъ и съ человѣкомъ съ Москвы въ Казань отпущены съ переводчикомъ съ Иваномъ Тырковымъ да съ толмачемъ съ Семейкою Герасимовымъ, и нашъ наказъ, по чему тебѣ наше дѣло дѣлати, посланъ къ тебѣ съ Иваномъ же Тырковымъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а Иванъ Тырковъ и толмачъ Семейко зъ бухарскимъ посломъ Эдемомъ въ Казань пріѣдутъ, и бояринъ нашъ и воеводы князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ съ товарищи тебя бухарскому послу объявятъ и изъ Казани васъ отпустятъ, и ты бѣ, взявъ нашъ наказъ у Ивана Тыркова, ѣхаль съ бухарскимъ посломъ вмѣстѣ къ бухарскому Имамъ Кулѣ царю и наше дѣло дѣлалъ по тому нашему наказу. А объ отпуске твоёмъ и бухарского посла Эдема зъ бра-

Хохловъ къ нагайцамъ не посылался. Нагайскія дѣла сохранились довольно хорошо, и о сношеніяхъ съ этимъ народомъ мы можемъ слѣдить почти изъ года въ годъ. Къ нагайцамъ ѣздилъ Андрей Хохловъ. См. Статейный списокъ Андрея Хохлова, посланнаго въ Большой Нагай къ Кейкуату Иштерекъ мурзѣ и къ дѣтямъ его съ царскимъ жалованьемъ. 1615 — 1617. (Въ Моск. гл. арх. мин. ин. дѣлъ).

томъ и съ человѣкомъ, и о переводчикове, и о толмачеве посланъ нашъ указъ въ Казань къ боярину нашему и воеводамъ, ко князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарищи, напередъ сего съ астраханскимъ жильцомъ съ Маркомъ Дрозжинымъ“. Воеводамъ же предписывалось отпустить Хохлова, „не мѣшкая ни часу“.

Собрался Хохловъ въ такой дальній и трудный путь въ одну недѣлю. 13-го іюля пришелъ царскій указъ о назначеніи Ивана Хохлова посланникомъ въ Бухару (предварительное же извѣщеніе о томъ получилъ онъ нѣсколько раньше), а 21-го онъ уже выѣхалъ. Вслѣдствіе такой поспѣшности онъ, какъ писалъ въ челобитной государю, потерпѣлъ убытки: „и я, холопъ твой, въ то малое время на твою государеву службу поднялся, займучи деньги въ кабалы и покупалъ все дорогою цѣною, за все давалъ вдвое“. Спѣшить же приходилось для того, чтобы въ этомъ еще году захватить морской ходъ, такъ какъ путь въ Бухару лежалъ тогда черезъ Астрахань, Каспійскимъ моремъ и далѣе черезъ земли Хивинскаго ханства.

Наши посланники любили подавать разныя челобитныя государю, какъ передъ поѣздкой въ иностранное государство, такъ и по возвращеніи оттуда. Они просили прибавки въ содержаніи, или какихъ-либо льготъ за свою службу. Иванъ Хохловъ тоже подалъ челобитную, изъ которой видно, какими помѣстьями онъ владѣлъ. „Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Ивашка Хохловъ. По твоему государеву указу велѣно мнѣ, холопу твоему, быти на твоей государеве службѣ къ бухарскому Имамъ Кулѣ царю въ посланникехъ, а твое царское жалованье вотчинка моя и помѣстейце въ Нижегородскомъ да въ Казанскомъ уѣздахъ. А которыхъ, государь, по твоему государеву указу въ государства посылавали въ посланникехъ и съ ихъ, государь, помѣстей и съ вотчины, для службы, твоихъ государевыхъ никакихъ податей съ крестьянъ ихъ не имывано, и на людей ихъ и на крестьянъ суда не даывано, покамѣста имъ твоя государева служба минется. Милосердый царь государь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи! пожалуй меня, холопа своего, для своей государевы дальныя службы не вели, государь, съ вотчиниска моего и съ помѣстійца своихъ государевыхъ никакихъ податей имати и на людишекъ моихъ и на крестьянишекъ суда давати, покамѣста мнѣ твоя государева служба минется. Царь, государь, пожалуй!“ Челобитье уважено: „И по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу дякомъ думному Ивану Грамотину съ то-

варыщи съ Ивановы вотчины и помѣстья Хохлова для его бухарскіе службы никакихъ податей имати, опричь казацкихъ и стрѣлетцкихъ кормовъ и ямщинъ, и на людей его и на крестьянъ суда опричь розбою и татбы съ поличнымъ дати не велѣти, покамѣста онъ зъ государевы службы изъ Бухарь будетъ“. Такіе же указы послѣдовали и по другимъ прикосновеннымъ дѣлу приказамъ ¹⁾).

Нѣтъ надобности говорить о мытарствахъ, которыя претерпѣло наше посольство отъ туркменъ и хивинцевъ: это подробно изложено въ превосходномъ и интересномъ статейномъ спискѣ Хохлова, напечатанномъ въ Сборникѣ князя Хилкова (С.-Петербургъ, 1879). Отмѣтимъ лишь, что бухарскій ханъ Имамъ Кули отпустилъ съ Хохловымъ 27 человекъ плѣнныхъ, изъ которыхъ хивинскій Абешъ султанъ отнял 23. Все-таки Хохлову удалось вывезти 31 полоняника, да съ хивинскимъ посланникомъ Махтамбаемъ, ѣхавшимъ съ Хохловымъ, Ильбарсъ царевичъ отпустилъ 13 человекъ,—слѣдовательно, всего освобождено 44 человекъ. Такого успѣха достигали очень немногіе послѣдующіе наши посланники въ Среднеазиатскія ханства. Самъ Хохловъ выкупилъ изъ неволи двухъ плѣнныхъ: Ѳедора Вельяминова да Василья Болтина за 78 рублей. Находясь въ Хивѣ, Хохловъ уговорилъ пріѣхать на службу къ царю Михаилу Ѳедоровичу хивинскаго царевича Авгана. Посламъ нашимъ предписывалось поступать такъ, чтобъ было „государеву имени къ чести и къ повышенью“. Честь государя возвышалась, когда къ нему приходили служить иностранные владѣльцы или дѣти ихъ, и у насъ употреблялись большія старанія, чтобы привлечь на службу царевичей изъ другихъ государствъ. Преимущество оказывалось христіанскимъ, но и мусульманскіе принимались съ распростертыми объятіями. На этомъ основаніи Хохловъ ставилъ себѣ въ заслугу, что вывезъ изъ Хивы царевича Авгана, для насъ совершенно бесполезнаго, а между тѣмъ требовавнаго приличнаго содержанія. До этого времени хивинскіе ханы и дѣти во время домашнихъ неурядицъ укрывались въ Персію“ ²⁾).

¹⁾ 1620, іюн. 25. Челобитная Ивана Хохлова о неиманіи съ крестьянъ его податей и о недаваніи на нихъ суда до возвращенія его изъ Бухаріи.

²⁾ Еще до пріѣзда Хохлова съ царевичемъ въ Москву сдѣланъ былъ нашему посланнику запросъ объ Авганѣ, очевидно, съ цѣлью приготовиться къ встрѣчѣ и выбрать платѣ по росту царевича. Не довзжая 80 верстъ до Москвы, Хохловъ доносилъ государю: „И я, холопъ твой, съ царевичемъ Авганомъ, пришедъ къ Покрову, за восьмдесятъ верстъ отъ Москвы, по твоему государеву указу о царевичѣ, каковъ царевичъ ростомъ и колькихъ лѣтъ, и сколько съ

По возвращеніи въ октябрѣ 1622 года въ Россію Хохловъ представилъ роспись убыткамъ, причиненнымъ ему въ количествѣ 472 рублей разными несчастными обстоятельствами. Эти убытки и были возмѣщены ему сполна, а въ награду за службу велѣно дать: камка или отласъ золотной въ 40 рублей, кубокъ или ковшъ въ 4 гривенки.

Такъ какъ челобитная Хохлова, равно какъ и роспись убытковъ не были еще напечатаны, то мы и приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ онѣ сохранились въ дѣлахъ. Оба документа сильно пострадали, въ особенности челобитная, поданная 21-го декабря 131 (то-есть, 1622) года. Недостающія слова обозначены точками, а нами восстановленныя помѣщены въ скобкахъ.

1. Челобитная. „Царю государю и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой Ивашко Хохловъ. Въ прошломъ, государь, въ 128-мъ году іюля въ 13 день прислана ко мнѣ въ Казань твоя государева грамота и наказъ, а велено, государь, мнѣ итти на твою государеву службу къ бухарскому Имамъ Кулю царю посланникомъ, и о отпуске, государь, моемъ въ то жъ время прислана въ Казань къ твоему государеву боярину ко князю Борису Михайловичю Лыкову

нимъ людей, писалъ съ кречетникомъ съ Яковомъ Тоболинымъ. Царевичю Авгану другонатцатой годъ, а ростомъ не добръ великъ, платье носить — длина аршинъ со штью вершки. А у него людей: дядька его узбьякъ, Эсенъ бай, нокусково родства, да жена ево, а царевичю мамка, Бике Анекъ, наймансково родства, да узбьякъ Девлетъ Мамбетъ, меситсково родства, да Черной земли детина Маграмка. Да у царевича-жъ Авгана отца ево данье и братъ ево съ нимъ отпустилъ русскихъ людей: Богдашко Ивановъ нижегородецъ, да русакъ же Ела Болда, а отца своего и матери и своего имени русково не помнитъ, взять маленекъ; да дѣвка руска жъ, татарское имя Кутлуби, а отца и матери, и родины не помнитъ же; да юргенской же татаринъ Арапхановъ человекъ Наеесь Кулы абызь, чапатайсково родства, а былъ онъ въ Астарахани, и царевичъ Авганъ объ немъ билъ челомъ въ Астарахани тобъ, великому государю, и твоимъ государевымъ воеводамъ, чтобъ ты, великій государь, позволилъ ему тово абыза взять съ собою къ тобъ, великому государю, къ Москвѣ, а собъ для ученья грамотново, и тобъ абызь похотѣлъ съ нимъ и нынѣ ѣдетъ съ царевичемъ вмѣстѣ, а корму ему нѣтъ. Да съ нимъ же Авганомъ царевичемъ была изъ Юргенцю жонка руска, Анница, а отца и родины не помнитъ же, и она била челомъ тобъ, государю, и твоимъ государевымъ воеводамъ въ Астарахани, что бусурманской вѣры вѣрвать не хочеть. И твои государевы воеводы князь Семенъ Васильевичъ Прозоровской съ товарищи тое жонку отпустили въ твоей царьской отчинѣ въ Астрахани на волю. Да съ нимъ же, царевичемъ Авганомъ, взять изъ Астрохани до Москвы полоненикъ русинъ Ивашко для работы—ходить около верблюда и лошадей, и нынѣ ѣдетъ съ царевичемъ до Москвы, а тово полоника вывезъ юргенской тезикъ Надыръ абызь и отпустилъ на волю“.

съ товарищи твоя государева грамота, а велено, государь, меня отпустить въ Астрахань зъ бухарскимъ и юргенскимъ послы вскоре. И твой государевъ бояринъ и воевода князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ съ таварыщи и съ Казани... выслалъ съ послы зъ бухарскимъ и съ юргенскимъ въ Астрахань того (жъ мѣсяца) въ 21 день, и я, холопъ твой, въ то малое время на твою государеву службу поднялся, займучи деньги въ кабалы, и покупалъ все дорогою ценою, за все давалъ вдвое. Изъ Астрахани, государь, твои государевы воеводы меня отпустили въ Бухары на бусе, за море въ осеннее время. И на морѣ, государь, насъ носило долгое время и принесло къ Тюпкарагани, гдѣ николи бусной пристани не живетъ, и бусу, государь, разбило и запасы всѣ потопило, и животипка, государь, многіе подмокли; а я, холопъ твой, съ твоими государевыми людьми и съ посылкою, что со мною послано было къ бухарскому Имамъ Кулію царю, вышелъ на берегъ. И на завтрея, государь, того дни пришли на насъ тюрхменцы тюркараганцы войною, и я, государь, холопъ твой, съ твоими государевыми людьми отъ нихъ сидѣли въ осаде, окладчиси каменьемъ, два дни да две ночи. И приступали, государь, къ намъ многижда, и я, холопъ твой, къ нимъ выслалъ говорити юргенского посла Рахимъ Кулія, чт. . . . отъ тебя, государя, ко государю ихъ Арапъ хану; а тово, государь, (бухарской) и юргенской послы приказывати къ нимъ не велѣли, что я посланъ отъ тебя, государя, къ бухарскому царю, только де такъ сказать, и насъ де всѣхъ побьютъ. И юргенской, государь, посоль съ тюрхменцы сходился и имъ розговаривалъ, чтобъ они насъ пропустили до Юргенча и подводы бы намъ въ наемъ и проводниковъ дали. И тюрхменцы, государь, спрося юргенского посла про юргенского царя и про царевичей, и про ближнихъ ихъ людей, прямо ли онъ юргенецъ или ихъ обманываетъ? и какъ, государь, подлинно юргенской посоль имъ розказалъ, и они ему повѣрили, и говорили: только де намъ русской посланникъ и вы дадите поминки, и мы де подъ васъ подводы и проводниковъ въ наемъ учнемъ давати, а только де не дадите поминковъ, и мы де вамъ не токмо что про подводы подъ васъ въ наемъ не дадимъ и в холопъ твой, отъ того тюркменским и проводниковъ и подводы въ наемъ намъ дали, и дали начальнымъ ихъ людямъ подарка десять юетей телятинныхъ, кожъ красныхъ да бочк въ пятнадцать ведръ. И договоряся, государь, съ ними, чтобъ межъ себя добрыхъ людей, которымъ бы мошно было вѣрить, человекъ зъ двадцать и

передо мною бы, государь, дали шерть по своей вѣре на томъ, что имъ насъ не побить и не пограбить и дурна никакова надъ нами не учинить, и подводы подъ насъ въ наемъ дать, и проводити имъ насъ до юргенского Арапъ царя. И тѣ, государь, караханцы передо мною, холопомъ твоимъ, шертовали на томъ. И пошертовавъ, государь, почели у насъ за подводы до Юргенча просить дорогую цѣну: за всякую подводу, за верблюдь по пяти рублевъ. И я, холопъ твой, подводы наймовалъ и лошади покупалъ дорогою ценою. И ответчи, государь, насъ отъ моря верстъ съ пятнатцать, (под)воды свои и наши купленные лошади исъ подъ насъ поймали грабежемъ и покинули государь, меня, холопа твоего, съ таварыщи всѣхъ нѣшихъ, держали, государь, насъ на томъ мѣсте де(сять недѣль). . . . после того и почели къ намъ приезжати опять, чтобъ мы у нихъ подводы наймовали и лошади купили и на томъ намъ, государь, въ дру(го)редь они намъ (шер)товали, что имъ дурна никакова надъ нами не учинить въ другоредь у нихъ дорогою жъ ценою подводы наймовали и лошади (поку)палъ за неволю, потому что дѣтца было намъ нѣгде. И какъ вьючить на подводы, и тѣ, государь, ляли хотели насъ побить пос. И у Арапа царя, государь, я былъ, и Арапъ царь зъ детьми своими у меня, холопа твоего, поймалъ многіе животы за то, что меня черезъ свою землю пропустилъ въ Бухары. И будучи, государь, я, холопъ твой твое государево дѣло дѣлалъ по твоему государеву наказу. И бухарской слалъ къ тебѣ, государю, со мною рускова полону дватцать семь и отпустилъ меня къ тебѣ, государю, а со мною къ тебѣ, государю, пос. своего Адамъ бая, тово жъ, которой прежь сего былъ у тебя г. я, холопъ твой, изъ Бухаръ пріѣхалъ назадъ въ Юргенчъ, и юргенскіе, государь, царевичи тотъ русской полонъ, что отпустилъ бухарской царь, у меня отня. животишка мой и достальныи и бухарского царя мнѣ дан. все поимали въ неволю и торговыхъ людей животы пограбили. Да я жъ, холопъ твой, подъ станишниковъ, подъ юртовскихъ татаръ, которыхъ я послалъ въ Астрахань исъ Хивы, и которыхъ послалъ, вышедъ изъ Юргенской земли съ Кизылкакскихъ горъ въ Астарахань, давалъ лошади свои, покупая дорогою ценою. Да какъ, государь, я изъ Юргенскіе земли пошелъ степью къ Астарахани, и на дороге меня встрѣтили съ отпискою отъ астараханскихъ воеводъ станишники юртовскіе татаровя да стрелець, и въ отпискахъ, государь, писали ко мнѣ изъ Астрахани воеводы, что они послали на морское на Кабакльцкое

пристанище для меня бусы, и только, государь, меня юргенскіе царевици отпустили, мнѣ бы итти къ пристани морской къ бусамъ, итти мнѣ на бусахъ въ Астарахань. И я, государь, по тѣхъ станичниковъ присылке пошелъ къ пристани и пришедъ къ бусамъ, и лошади свои, на которыхъ я изъ Юргенча шелъ до пристани, отпустилъ въ Астрахань съ тѣми астраханскими станишники, которые ко мнѣ присланы изъ Астарахани отъ воеводъ. И тѣ, государь, станишники. . . . въ Астрахань сказали, что де, государь, мои лошади и товарищей моихъ многіе пали на степи. И учинилося, государь, мнѣ, холопу твоему, отъ тюрхменскихъ людей и отъ юргенского Арапа царя и отъ детей его грабежу, и отъ конского и отъ верблюдова падежу, и отъ подводного ото многово отъ дорогово найму, и что взяли тюрхменцы за убитого челоуѣка, и что я, государь, давалъ подъ станишниковъ, которыхъ посылалъ я въ Астрахань, лошади, и что, государь, послалъ я въ Астрахань лошади свои, какъ я сѣлъ у морской пристани на бусы, убытковъ чотыреста семьдесятъ два рубли. Да я жъ, холопъ твой, будучи въ Юргенче, провѣдалъ, что юргенского Арапа царя сынъ Авганъ царевичъ хочеть изъ Юргенча отъ братьи своей ѣхать хъ кызылбашскому шаху, и я, государь, посылалъ говорить къ дятке царевичову, Исень баю, чтобъ Авганъ царевича (нагова)ривалъ на то, чтобъ онъ въ Кызылбаши не ѣздилъ, а поѣхалъ бы служить къ тебѣ, великому государю; а только, государь, онъ царевича на то приведетъ, и царевичъ Авганъ только поѣдетъ служить къ тебѣ государю, и ты, государь, ево Исень бая за то пожалуешь своимъ царскимъ жалованьемъ, смотря по его службе. И дядье царевичову я, холопъ твой, о томъ говорить посылалъ многижда, и дядька, государь, царевичовъ на то привелъ царевича, и царевичъ Авганъ пріѣхалъ со мною къ тебѣ, государю. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, пожалуй меня, холопа своего, за мое службишко и за убытки своимъ государевымъ жалованьемъ, какъ тебѣ, милосердому государю, о мнѣ Богъ известить! Государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, смилуйся, пожалуй“!

2. Роспись, что у Ивана Хохлова потонуло запасовъ на морѣ, какъ бусу розбило въ Тюпкарагане, и что ему въ подаркахъ и въ (про)ѣсти, и въ лошедахъ и въ верблюдахъ въ покупке и въ найму учинилося, и у Ивана помочило и пропало:

30 кулей сухарей, 20 полоть ветчины, 100 косяковъ солонины да розмыло въ Кнеяхъ 15 пудъ патоки. Да какъ впервые подѣйма

лися къ Юргенчу на степь, и я, Иванъ, купилъ подъ себя и подъ люди 3 лошади, а далъ лошади 18 рублей 2 гривны, да нанялъ 5 верблюдовъ подъ запасъ и подъ рухледъ; а найму зговорилъ отъ 5-ти верблюдовъ по 5-ти рублей отъ верблюда, и далъ задатку 5 рублей, да подарку далъ начальнымъ людямъ 15 вѣдръ вина, да торговые люди дали 5 юетей кожъ красныхъ. И отпустия ихъ отъ моря немного, да на стану тѣ всѣ лошади отогнали. И они наймовали лошади и верблюды въ другой рядъ до Бѣлыхъ Мечетей, и у нихъ въ другой рядъ лошади и верблюды отогнали. И сидѣли отъ нихъ въ осаде 6 недѣль, мало зъ голоду не померли. И Иванъ послалъ изъ осады съ вѣстью, нанявъ, тайно трюхменца да юргенского тезика Адну (?) въ Юргенч къ Орапъ царю; а купили подъ нихъ 3 лошади, дали 20 рублей. Да тому жъ трюхменцу далъ 3 юети кожъ, цена 6 рублей. И въ тѣхъ лошадяхъ Ивановыхъ 6 рублей денегъ, да япанча,—цена рубль, рубашка, да портки,—цена полтина.

А какъ отъ трюхменцовъ окупалися за убитого мужика, а дали окупу 125 аршинъ суконъ, да 100 юетей кожъ красныхъ, 10 таеилей ножей угорскихъ, 120 блюдь красныхъ. И въ томъ числѣ Ивановыхъ 10 юетей кожъ красныхъ, а цена имъ 20 рублей, по 2 рубли юеть.

Да какъ пошли изъ осады отъ мечетей, и я, Иванъ, купилъ верблюда подъ государевы кречеты да подъ бухарского посла, далъ 14 рублей.

Да какъ юргенской Орапъ царь прислалъ отъ себя дву человекъ ясауловъ, и Иванъ ихъ дарилъ отъ себя 3 юети кожъ, цена 6 рублей; да у торговыхъ людей взялъ 2 сукна да 2 рубля денегъ.

Да я жъ, Иванъ, купилъ 2 верблюда, къ Бѣлымъ горамъ идучи, далъ 32 рубли.

А какъ въ городъ въ Юргенчъ пришли, и носилъ Иванъ къ царевичю Абену подарковъ своихъ 2 юети кожъ красныхъ, лутчихъ, цена 5 рублей безъ гривны, 2 цки бѣлы, цѣна по 2 рубли съ четвертью, 10 блюдь красныхъ, цена полтина, олягу вина, а сукна взялъ съ торговыхъ людей. Да царевичовымъ ясауду да казначѣю отъ отпуску, чтобъ его отпустили, далъ подарковъ 2 юети кожъ красныхъ своихъ, цена 3 рубли, да оляшку вина. Въ Хивѣ къ Орапъ царю Иванъ своихъ поминковъ носилъ: 2 цки бѣлыхъ, цена полъ 5 рубли, 2 юети кожъ красныхъ, цена 5 рублей безъ гривны, олягу вина, 10 блюдь красныхъ, цена полтина, а сукна, что къ царю носилъ,

взялъ у торговыхъ людей. Да отъ отпуску далъ цареву Назаръ шахаулу с(воихъ) 2 юети кожъ красныхъ середнихъ, цена 3 рубли, да цки бѣлы, цена 2 рубли съ четвертью. Да отъ ярлыка далъ своего жъ: кожу красную, цена рубль, да денегъ 13 алтынъ 2 де(ньги).

Да царевичъ Арапъ царевъ сынъ Шириѳъ салтанъ прислалъ къ Ивану зъ грозамы, чтобъ его Иванъ подарилъ за то, что черезъ его землю, пустое городище Везиръ, ѳхалъ. И Иванъ далъ ему отъ себя подарковъ 2 юети кожъ красныхъ, 2 цки бѣлыхъ, цена козамъ и цкамъ бѣлымъ 7 рублевъ 2 гривны.

Да царевымъ таможникомъ, что не взяли тамги, далъ подарковъ кожу красную, цена 25 алтынъ; а сукн(а) дали торговые люди.

А изъ Юргенскіе земли до Бухарскіе нанялъ подъ люди и подъ рухледь къ своимъ верблюдамъ 3 верблюда, далъ на(йму) 6 рублевъ 10 алтынъ.

Да ѳдучи Юргенскою землею и живучи въ Хивѣ, и въ Бухары ѳдучи, проѣлъ съ людьми и стрельцовъ кормилъ и съ лошадьми своими и съ верблуды, какъ вышолъ изъ осады отъ Бѣлыхъ Мечетей и въ Юргенче хлѣбъ и воду и дрова, а лошадямъ ячмень и солону покупалъ, и до Бухаръ города,—15 рублевъ. Да въ Бухарехъ бухарскому воеводе Мурзабеку далъ Иванъ отъ себя поминковъ 3 юети кожъ красныхъ, 2 цки бѣлы, 10 блюдъ красныхъ, цена всему 9 рублевъ; а сукна дали торговые люди. Да приставу далъ, которой ѳхалъ со мною изъ Бухаръ до Шамархани города, и Иванъ далъ ему отъ себя сукно черлено, цена 3 рубли.

Къ бухарскому царю носилъ 40 соболей тѣхъ, что пожаловалъ Ивану государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, цена 35 рублевъ, да олягу вина. Да у Ивана жъ взялъ бухарской царь пищаль турецкую (да лукъ?) демешковой, цена 8 рублевъ. Да цареву дяде Недиръ Диванъ бегію, что далъ ярлыкъ, что полонниковъ вольныхъ отпустить, далъ Иванъ отъ себя подарковъ 3 юети кожъ красныхъ, цена 6 рублевъ 11 алтынъ 4 де(ньги), цки бѣлы, цена 2 рубли съ четвертью. Царевымъ людямъ, которые отъ царя приходили зъ жалованьемъ, какъ царь Ивану прислалъ чалму да каетанъ, да кушакъ, и тѣмъ дано въ подарокъ кожа красная, да цки бѣлы черевы, цена 2 рубли. А которой отъ царя привелъ же ребець аргамачей, и ему далъ каетанъ—бархатъ червчатъ, что далъ Ивану въ Хивѣ Арапъ царь, да 30 алтынъ денегъ конюхомъ.

Да какъ ѳздилъ въ Шамарханъ, и стрельцомъ было ѳсть нѣчево,—

царева корму не давали, а у нихъ своего не стало, и Иванъ стрелъцами скормилъ своихъ денегъ 2 рубли.

Да въ Бухарехъ и въ Шамархани проѣлъ Иванъ съ людьми своими и съ полоненики и съ лошадыми и съ верблюды, и покупаючи дрова въ 9 мѣсяць—44 рубли и своихъ, опричь того на (ко)торые дни давали кормъ бухарскіе воеводы. Да поѣдучи изъ Бухаръ, купилъ 9 лошадей да 6 верблюдовъ, потому: на которыхъ верблюдахъ пришло изъ Юргенскіе земли, и тѣ у него 2 верблюда умерли. А далъ за 9 лошадей 35 рублевъ, а за 6 верблюдовъ далъ 49 рублевъ. Да на тѣхъ же лошедахъ везъ изъ Бухаръ и до Астрахани 4 окупленные полоненики.

Въ Хивѣ къ царевичю Ильбарсу носилъ подарковъ: чалму атласъ, 2-и дороги, полотенцо ормяшное, цена всему 6 рублевъ, да юнгерскому царевичю Абешу и инякомъ, а по руски ближніе люди думные, и Ивановы рухледи въ тѣ дачи пошло 2-и дороги—2 рубли, кушакъ шолковъ—20 алтынъ, киндякъ—13 алтынъ 2 де(ньги); чолма золотная, что далъ Ивану бухарской царь, взялъ Абеш(евъ) дядя Кочекъ мурза; да чапракъ, сукно темновишнево, шить шолкомъ, взялъ Мамедіяръ инякъ. Да Абешъ же царевичъ взялъ у Ивана пищаль, цена полъ 2 рубли, да у Ивана жъ наималъ Абешъ царевичъ конь, и того коня уморилъ, цена 6 рублевъ.

Да какъ изъ Юргенча отпустилъ черезъ степь татаръ въ Астрахань для бусъ, и тѣмъ татаромъ далъ Иванъ лошадь съ седломъ и съ уздою, да япанчю, цена 3 рубли 20 алтынъ, а иные лошади взяты у торговыхъ людей.

Да у Ивана жъ, живучи въ Бовати, умерло 4 верблюда, и онъ въ то мѣсто купилъ 5 лошадей, а далъ за нихъ 27 рублевъ; да 5 телѣгъ купилъ, далъ 7 рублевъ съ полтиною.

Изъ Бухаръ идучи, въ Юргенской землѣ зимоваль и лѣтоваль, а проѣлъ съ людьми, и что кормилъ 4-хъ полонениковъ и съ лошедыми и съ верблюды—59 рублевъ съ полтиною.

И всего по сей росписи написано у Ивана убытковъ, опричь запасовъ и опричь того, которому цена не написана, 473 рубли ¹⁾. Да запасовъ потонуло: 30 кулей сухарей, 20 полоть ветчины, 100 косяковъ солонины; да въ Кнеяхъ размыло 15 пудъ патоки; 17 вѣдръ вина далъ откупу тюрхменцамъ, и къ царю Арапу и къ бухарскому царю въ поминкахъ отнесъ. Да юргенской Абешъ царевичъ взялъ де

¹⁾ Вездѣ раньше написано 472 р.

у него чалму золотную, а цены ей не написано, потому что пожаловалъ былъ его то(ю) чалмою бухарской царь“.

По поводу выкупа плѣнныхъ Хохлову пришлось имѣть особое дѣло ¹⁾. Онъ подалъ государю челобитную на Болтина: „По твоему государеву указу былъ я, холопъ твой, на твоей государевѣ службѣ въ Бухарехъ, и идучи въ Бухары, въ Юргенчѣ окупилъ я Василья Иванова сына Болтина, а далъ за него сорокъ рублевъ, и окупя его въ Юргенчѣ, возилъ съ собою въ Бухары, и изъ Бухарь везъ до Юргенча, и отъ Юргенча до Астрахани на своихъ лошадей, и привезъ его къ тебѣ, государю, къ Москве, и кормилъ, и поилъ, и одевалъ, и обувалъ его два года. И онъ билъ челомъ о окупу тебѣ, государю, и ты, государь, его пожаловалъ, велѣлъ ему дать двадцать рублевъ денегъ. И тѣ, государь, деньги двадцать рублевъ Василей мнѣ за окупъ свой уплатилъ, а другой, государь, двадцати рублевъ и что я поилъ и кормилъ два года и одевалъ и что везъ на своихъ лошадей, не заплатилъ. И ныне, государь, тотъ Василей Болтинъ съѣхалъ съ Москвы въ Казань къ родителю своимъ, въ томъ со мною не расплатяся. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи! пожалуй меня, холопа своего, вели, государь мнѣ нынѣ въ томъ моемъ долгу дать свой царскій судъ въ Казани, и вели, государь, мнѣ дать въ Казань свою государеву грамоту. Царь, государь, смилуйся пожалуй“! На оборотѣ челобитной написано: „дать грамота судная“.

Въ Казань же воеводамъ послѣдовалъ указъ: „какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ Василья Болтина велѣли сыскать, а сыскавъ, велѣли его съ Иваномъ Хохловымъ поставить передъ собою съ очей на очи, да въ томъ Ивановѣ иску Василья Болтина съ нимъ Иваномъ судили и сыски всякими сыскали, а по суду своему и по сыску межъ ими управу учинили по нашему указу безволокитно, до чево доведется. Писанъ на Москвѣ лѣта 7131 (1623)-го, февраля въ 26 день“.

Надо замѣтить, что правительство наше принимало большое участіе въ выкупѣ своихъ плѣнныхъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда плѣнный не имѣлъ средствъ, приходило къ нему на помощь. Выходцы изъ плѣна обыкновенно получали государево жалованье за полное терпѣнье и за выходъ, какъ за царскую службу. Изъ документовъ

¹⁾ 1628, сентября. Дѣла по челобитьямъ посланнаго въ Бухарию Иванъ Хохлова и бывшихъ при немъ о дачѣ жалованья.

видно, чѣмъ кончился судъ Хохлова съ Болтинымъ, но можемъ предполагать, что первый получилъ удовлетвореніе, иначе въ дѣлахъ имѣлись бы новыя челобитныя, какъ это бывало въ другихъ случаяхъ, когда истецъ не находилъ правосудія.

Понятно, что обращеніе среднеазиатскихъ владѣтелей съ нашимъ посланникомъ произвело въ Москвѣ непріятное впечатлѣніе, какъ можно видѣть изъ дальнѣйшихъ документовъ по сношеніямъ съ ханами. Тобольскіе воеводы Матвѣй Годуновъ, Иванъ Волконскій и Иванъ Шевыревъ доносили государю, что 30 октября 131 (1622) года пришелъ черезъ Тюмень изъ Большихъ Бухаръ въ Тобольскъ посоль отъ Имамъ Кули хана Чобакъ Балыковъ съ просьбою послать хану трехъ кречетовъ. Воеводы спрашивали, какъ имъ поступить съ посланцомъ и могутъ ли они послать кречетовъ отъ своего имени, прибавляя, что кречетовъ можно достать у ясашныхъ людей. Въ отвѣтной грамотѣ, помѣченной 5 марта 7131 года, воеводамъ предписывалось отдать назадъ привезенные посланцомъ государю подарки (бархатъ червчатъ съ искрою, мѣрою 8 арш. 2 вер., камонку цвѣтную) и отпустить его къ Имамъ Кули хану. Далѣе предписывалось выговорить посланцу: „а кречатовъ вамъ послать не пригоже, потому что кречаты потѣха нашего царскаго величества и посылаемъ мы, великій государь, кречаты отъ своей царской потѣхи къ братьѣ своей, къ великимъ государемъ хрестыянскимъ и мусульманскимъ, которые великіе государи съ нами, великимъ государемъ, въ братствѣ и въ дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ безурыву; а ко государю ихъ, къ Имамъ Кулію царю бухарскому, мы великій государь, по его къ намъ присылкѣ, въ прошлыхъ годѣхъ посылали посланника нашего дворянина Ивана Хохлова и съ нимъ отъ своей царской потѣхи кречаты для любви посылали, и государь ихъ Имамъ Куліи царь посланника нашего держалъ у себя многое время и отпустилъ его къ намъ ни съ чѣмъ, а своего посла и посланника къ нашему царскому величеству не прислалъ. Да нашему жъ посланнику, какъ онъ былъ въ Бухарехъ, Имамъ Кулія царя приказные люди чинили многія насильства и убытки; а нынѣ Имамъ Куліи царь мимо нашего царскаго величества для кречетовъ присылаетъ къ вамъ въ Сибирь, а вамъ безъ нашего указа того учинить не пригоже, и кречатовъ въ Сибирской землѣ вѣтъ. И будетъ Имамъ Куліи царь похочеть поискати отъ насъ, великаго государя, милости и любви, и онъ бы къ намъ, великому государю, слалъ своего посла или посланника на Астарахань, а изъ Сибири къ намъ, великому государю, къ Москвѣ дорога дальняя и послы

не ходять, а торговымъ ево людемъ, которые ходять съ торгомъ въ сибирскіе города по нашему царскому повелѣнію нынѣ и впередъ торгъ повольной". Съ тѣмъ посланецъ и отправился изъ Тобольска домой.

Въ 1623 году были задержаны въ Ярославлѣ три среднеазиатскіе посланца: хивинскаго Абеша хана—Юсуфъ Ази, царевича Илбарса—Махтамбай и бухарскій—Абызь ¹⁾. При этомъ велѣно было юргенскимъ (хивинскимъ) посланцамъ давать кормъ съ убавкою: Юсуфу Ази назначено вмѣсто 10 денегъ только 6, но бухарскій остался на прежнемъ положеніи. Кромѣ того, имущество (рухлядь) хивинскихъ посланцевъ подверглось конфискаціи, очевидно, въ возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ Хохлову. Указомъ отъ 30 октября 7133 (1624) года на имя ярославскаго воеводы Воейкова было предписано отправить эту рухлядь въ Москву по первому зимнему пути, а не водою, чтобы не подмочить.

Тогда же для разъясненій, надо полагать, по дѣламъ хивинскимъ и бухарскимъ въ Москву вызвали Ивана Хохлова, успѣвшаго уже вернуться въ Казань. Въ дѣлахъ имѣется такое донесеніе къ государю изъ Казани: „Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи холопи твои Ивашка Одоевской, Лучка Щербатой. Потапко Внуковъ, Васка Частой челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 132-мъ году декабря въ 8 день въ твоей государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русіи грамотѣ писано къ намъ, холопомъ твоимъ, а велѣно прислати къ тебѣ, ко государю, казанца Ивана Хохлова и велѣтъ ему ѣхати къ тебѣ, ко государю, къ Москвѣ, не мѣшкая, для бухарскаго и юргенскаго дѣла. И по твоей государевѣ царевѣ и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. грамотѣ мы, холопи твои, казанца Ивана Хохлова къ тебѣ, ко государю отпустили того жъ дни и велѣли ему ѣхати къ тебѣ, ко государю, не мѣшкая, а на Москвѣ велѣли ему явиться въ посольскомъ приказѣ твоимъ государевымъ діакомъ, думному Ивану Грамотину да Савѣ Романчюкову“.

Хивинскіе и бухарскій послы изъ Ярославля были отправлены об-

¹⁾ Дѣла Хивинскія. 1623, окт. 6 — 1625. Пріѣздъ въ Казань, а потомъ въ Ярославль (гдѣ и содержались по причинѣ той, что Абешъ съ братомъ своимъ Альбарсомъ, выколовъ глаза у отца ихъ Арапъ-ханъ, лишили его владѣнія) отъ юргенскаго царя Абеша посла Юсуфъ Азія и отъ царевича Илбарса посла Махтанбая.

ратно домой. Это, по всей вѣроятности, результатъ поѣздки Хохлова въ Москву.

Снова видимъ Ивана Хохлова въ 1629 году, когда онъ въ качествѣ пристава при персидскомъ посланникѣ Маметъ Силибекѣ и купчинѣ Агасонѣ пріѣхалъ въ Москву, сопровождая посольство это отъ Казани. Обязанность пристава состояла въ слѣдующемъ: онъ долженъ былъ заботиться о безопасности посла, оберегать его, чтобы никто не причинилъ послу безчестья тѣмъ или другимъ способомъ; но съ другой стороны, не позволять по нашимъ селамъ и городамъ безчинствъ и со стороны свиты иноземныхъ пословъ; а самое главное,—не допускать посла и его людей до непосредственныхъ сношеній какъ съ русскими, такъ и съ иностранцами; на приставѣ же лежала и вся хозяйственная часть по содержанію посольства. Чѣмъ ближе подвигался иностранный посланникъ къ Москвѣ, тѣмъ болѣе торжественной дѣлалась встрѣча ему; прежніе приставы смѣнялись болѣе важными, или эти новые занимали первенствующее положеніе, а прежніе отходили на второй планъ. Въ настоящемъ случаѣ съ Нижняго Новгорода присоединился къ посольству Василий Петровичъ Наумовъ, а на послѣднемъ посту, передъ Москвой, Наумова смѣнилъ князь Романъ Петровичъ Пожарскій. Хохловъ же занялъ должность втораго пристава; но это не мѣшало ему въ торжественныхъ случаяхъ получать приглашенія къ царскому столу¹⁾.

Все время пребыванія персидскаго посольства въ Москвѣ Иванъ Хохловъ находился тамъ же. Когда посольство было отпущено обратно, его сопровождалъ въ качествѣ пристава Хохловъ, но только до Казани, куда прибылъ 23-го іюня 1629 года²⁾.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ Иванѣ Даниловичѣ Хохловѣ не имѣемъ.

Изъ этихъ краткихъ и отрывочныхъ біографическихъ данныхъ объ одномъ изъ видныхъ дѣятелей по сношеніямъ нашего правительства съ иностранными государствами видно, какую строгую, подчасъ даже суровую школу проходили наши государственные люди московскаго періода русской исторіи.

III. Весселовскій.

¹⁾ См. Дворцовые разряды, т. II, стр. 25, 28, 39, 46, 62, 63.

²⁾ Дѣла персидскія. 1629. Отправленіе въ Персію російскихъ пословъ, столника Андрея Плещеева, дьяка Никифора Талызина и гостя Григорья Мѣлникова.